

Актеры научной дипломатии в контексте саморазвития арктических территорий (на примере Мурманской области)

Actors of Science Diplomacy Within the Context of Self-development of the Arctic Territories (on the Example of Murmansk Region)

DOI: 10.34130/2070-4992-2020-4-34

УДК 332.146.2, 339.976.2

Ю. В. Заика, Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина, Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук» (Апатиты, Россия)

Yu. V. Zaika, Luzin Institute for economic studies, Federal Research Center "Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences" (Apatity, Russia)

Исследование 2019 года по изучению специфических аспектов саморазвития местных сообществ Арктической зоны Российской Федерации показало, что одной из наиболее активных групп региональных участников (акторов) международного сотрудничества являются научно-образовательные учреждения (представляющие 40 %-ную выборку среди других групп участников) [1]. В данной работе анализируется региональный контекст и институциональные компоненты научной дипломатии и ставится задача предложить дальнейшие действия для развития этого направления. В работе применяются методы качественного исследования посредством сравнительного и контекстуального анализа существующего национального и международного законодательства, регламентирующих актов, документов для обобщения практик, инструментов, акторов и заинтересованных сторон научной дипломатии на региональном уровне. В ходе исследования рассматривается, что научная дипломатия в Мурманской области принимает различные формы и может формироваться в рамках практик национальной внешней политики и дипломатии, а также в рамках парадипломатической деятельности на региональном и муниципальном уровнях, включая прочные связи с секторами науки и образования. Новая реализующаяся концепция правительства России по созданию научно-образовательных центров мирового уровня может усилить согласованность действий национальных акторов научной дипломатии и способствовать сотрудничеству внутри регионов и между странами, как обсуждается в работе. Результаты этих исследований представляют практический интерес для федеральных, региональных и муниципальных органов власти с точки зрения определения будущих стратегий и политики международного сотрудничества в сфере экономических, научно-технических отношений, а также расширения российской программы в период председательства в Арктическом совете.

Ключевые слова: международное сотрудничество, научная дипломатия, саморазвитие регионов, местные сообщества, социально-экономические факторы.

As revealed from the previous study of 2019 on specific aspects of self-development of the local communities of the Arctic Zone of the Russian Federation, one of the most active groups of regional actors involved in international collaborations are the scientific and educational entities (representing 40% value among the other groups of actors) [1]. This paper analyses the regional notion and institutional components of science diplomacy and takes a challenge to propose future actions to facilitate it. The study applies the qualitative research methods through the comparative and contextual analysis of the existing national and international legislation, acts, documents to summarize the practices, tools, actors, and stakeholders of science diplomacy at the regional level. As further discussed, science diplomacy in the Murmansk region takes different forms and can be shaped within the practices of national foreign policy and diplomacy as well as within the paradiplomatic activities of regional and municipal levels, including strong connections to science and education sectors. The new implementing concept of the Russian government for the foundation of the world-class research and educational centers may strengthen coherence of national actors of science diplomacy and facilitate cooperation within regions and between countries as discussed in this paper. The results of this research have the practical interest for the federal, regional and municipal governments to determine the future strategies and policies for international cooperation in the sphere of economic, scientific, and technical relations, as well as to enlarge the Russian program during the Chairmanship in the Arctic Council.

Keywords: international cooperation, science diplomacy, regional self-development, local communities, socio-economic factors.

Введение

В условиях быстро меняющихся экономических и социальных реалий на разных уровнях географической проекции «глобальный — региональный», а также при активной разработке, изменении и внедрении разнообразных государственных регламентирующих документов и механизмов поддержки устойчивого и территориального развития национального арктического макрорегиона важно учитывать и другие аспекты развития, которые дают больший положительный эффект, чем ожидалось.

Урбанизированные и населенные территории Арктики всегда привлекали большое внимание со стороны научного сообщества и государственных органов для обеспечения целей их устойчивого развития. Арктика как целостный регион в естественно-научном понимании имеет различные социальные и экономические реалии, формирующиеся в рамках национального законодательства и государственных границ. Транснациональные различия очевидны, однако Российская Арктика, будучи территорией многих регионов Российской Федерации, может быть охарактеризована как территория меж- и внутрирегиональных различий. Россия занимает более 40 % территории Арктики и включает 9 арктических федеральных территориальных субъектов различных типов (от областей до автономных округов, республик) со своими специфическими административными, экономическими и социальными реалиями. Такая специфика находит отражение во внутри- и межрегиональных диспропорциях российских северных экономик, о которых много говорят эксперты [2–5]. Н.В. Зубаревич поясняет, что региональное развитие в России в основном определяется конкурентными преимуществами регионов (ресурсы, географическое положение, агломерационный эффект, человеческий потенциал), а не региональной политикой государства [2]. Е. А. Коломак отмечает, что проблема неравномерного пространственного развития в России по-прежнему вызывает большую озабоченность. В последние годы правительство декларировало несколько подходов к региональной политике с различными механизмами поддержки слаборазвитых регионов, которые не принесли успеха [6]. В свете такой перспективы драматические тенденции депопуляции российской Арктики свидетельствуют о затруднительных траекториях дальнейшего развития. Эти тенденции активно обсуждались в недавно опубликованном отчете рабочей группы АМАР Арктического совета, в котором был сделан вывод о дальнейшем сокращении численности населения в западной части Российской Арктики до 15 % к 2031 г. при наихудшем сценарии [7]. Ямало-Ненецкий автономный округ — единственный субъект Российской Арктики, который дает положительную динамику численности населения в последние годы [8]. Такая тенденция в основном базируется на экономическом профиле региона, основанном на нефтегазовой отрасли и возможностях для трудоустройства вахтовым методом. В других арктических субъектах Российской Федерации наблюдаются значительные тенденции к депопуляции.

Мурманская область — единственный арктический субъект России, имеющий прямые государственные границы с двумя другими странами — Норвегией и Финляндией, а также исторические торгово-культурные связи с третьей географически соседней страной, не имеющей прямой сухопутной границы — Швецией. Все 4 страны входят в Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР), который имеет прочные внутренние многосторонние дипломатические, экономические, научные и культурные связи. Важность поддержания международного сотрудничества внутри российских арктических регионов на разных уровнях подчеркивается в государственной стратегии по развитию Арктики, где Арктический совет и Баренцев Евро-Арктический совет упоминаются в качестве основных платформ такого сотрудничества [9]. Когерентность БЕАР достаточно глубоко изучена и активно обсуждается региональными экономистами [10–11]. Такой трансграничный регион с его международными связями представляет собой практический пример в данном исследовании.

Как было проанализировано ранее [1], трансграничный регион испытывает значительное перекрестное взаимодействие между территориями и муниципалитетами всех трех стран, в том числе исходя из тенденций изменения численности населения. Активное развитие трансграничных транспортных сетей коммуникаций и маршрутов будет способствовать и ускорит рост географического потенциала, а также смягчит негативные тенденции депопуляции во всех странах, вовлеченных в трансграничное пространство.

Как отмечает Т.П. Скуфьина [12], общее инфраструктурное и социально слабое развитие российской части БЕАР активизирует спрос на услуги, товары и продукты и, соответственно, стимулирует предложение со стороны сопредельных стран с развитыми экономиками. Мурманская область в силу своего непосредственного расположения имеет множество экономических связей как с Финляндией, так

и с Норвегией, особенно в свете инфраструктурных и логистических проектов, связанных с Северным морским путем [13].

Активная международная, трансграничная и парадипломатическая деятельность на территории Мурманской области по сравнению с другими арктическими регионами России может рассматриваться как та специфика, которая напрямую связана с территориальным фактором. Ярко выраженная значимость международного сотрудничества в регионе, как правило, отражается в категориях научных, деловых и культурных коммуникаций и проектов, проходящих во многом под эгидой активного парадипломатического уровня.

Несмотря на то что в Мурманской области преобладают описанные ранее тенденции депопуляции арктической территории России, население муниципальных образований области по-прежнему превышает население соседних территорий Норвегии и Финляндии, а система урбанизации характеризуется большей концентрацией. Российская Арктика по-прежнему является регионом крупных городов по сравнению с арктическими регионами Европы и Северной Америки. Это указывает на то, что советская модель развития Крайнего Севера с экстенсивной эксплуатацией природных ресурсов и связанным с этим развитием транспортной и социальной инфраструктуры до сих пор не преодолена. Не исключено, что российский Север уже не нуждается в таких крупных городах и муниципальных образованиях, но их социально-экономическое развитие должно быть диверсифицировано в обозримом будущем, когда промышленность, транспорт и энергетика будут сопровождаться развитием сегмента науки и образования, а это требует переосмысления российской модели урбанизации Арктики. Тем не менее российское правительство последовательно принимает такие действия и рассматривает возможность создания научно-образовательных центров мирового уровня в арктических регионах России и за их пределами. Это может привести к изменениям в социальной и экономической инфраструктуре местных сообществ и стимулировать более активное развитие и укрепление (пара)дипломатической и научно-образовательной деятельности, особенно в таком трансграничном регионе, как Мурманская область.

В этой статье анализируется и обсуждается региональное понимание и институциональные компоненты научной дипломатии, ставится задача предложить возможные будущие действия для содействия развитию научной дипломатии как одному из аспектов развития региона и саморазвития местных сообществ.

Теория и методология

Научная дипломатия, безусловно, не новое явление, но сейчас она становится особенно важным инструментом для государств во всем мире, применяемым с целью развить, нормализовать, а порой и разорвать международные связи. Сама концепция имеет долгую историю, и, например, в России ее истоки начинают формироваться в 1920-х годах. С этой целью в 1925 году было создано Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами (ВОКС), деятельность которого носила пропагандистский характер. Одной из секций ВОКС (наряду с секциями кино, права, музея, этнографии, педагогики) была научно-техническая секция, в работу которой были вовлечены ведущие ученые, что позволяло им общаться с зарубежными коллегами, участвовать в зарубежных поездках, получать иностранную литературу [14].

Научная дипломатия является инструментом "мягкой силы" государства, которая предполагает объединение усилий науки и внешней политики для облегчения и достижения общих целей. Несмотря на то что концепция все еще достаточно расплывчата, Королевское общество (Великобритания) [15] и Американская ассоциация развития науки¹ в начале этого столетия попытались сформулировать концепцию, обсуждая три основных столпа научной дипломатии. Они включают "дипломатию для науки" (содействие международному научному сотрудничеству); "науку для дипломатии" (использование научного сотрудничества для улучшения международных отношений между странами) и "науку в дипломатии" (научное сопровождение принятия внешнеполитических решений). При обсуждении этой концепции П. Беркман и др. разделяют более широкую географическую перспективу научной дипломатии, называя ее мостом между национальными интересами государств и общими (общечеловеческими) интересами в международных пространствах (например, Антарктида, космическое

¹ Вебсайт Центра научной дипломатии (США). URL: <https://www.aaas.org/programs/center-science-diplomacy>. (дата обращения: 09.09.2020).

пространство) [17; 18]. П. Беркман описывает научную дипломатию как «целостный (международный, междисциплинарный и инклюзивный) процесс, включающий в себя информированное принятие решений для достижения баланса между национальными интересами и общими интересами на благо всех на Земле на протяжении поколений». Это в значительной степени относится к Арктике как региону национальных (в пределах геополитических и национальных границ) и общих (с научной точки зрения холистических географических) пространств и интересов, помогая преодолеть этот дуалистический подход.

Научная дипломатия, однако, может рассматриваться также как более широкая или всеобъемлющая концепция, которая служит основой для других типов возникающих дипломатических отношений в различных контекстах, например культурной дипломатии [19], дипломатии образования [20], дипломатии окружающей среды [21; 22; 23], особенно важной в наши дни — климатической дипломатии [24], инновационной и экономической дипломатии [25; 26], публичной дипломатии [27; 28] и т. д., все из которых имеют большое значение и актуальность для Арктического региона. Все эти типы дипломатических отношений, с одной стороны, делают дефиницию и концептуализацию научной дипломатии проблематичными, но, с другой стороны, придают этому явлению контекстуальный объем и дополнительную значимость. Все перечисленные выше дипломатии могут быть элементами друг друга, представлять высокий уровень взаимосвязи и конвергенции, являясь неотъемлемыми компонентами разнообразных международных отношений, основанных на общих и национальных интересах.

Обсуждаемая в рамках концепции общих и национальных интересов научная дипломатия может применяться на разных уровнях и использоваться различными субъектами, заинтересованными сторонами, участниками, акторами, пользователями с помощью различных инструментов и механизмов. Например, ООН — глобальная организация (актор научной дипломатии), отстаивающий общие интересы устойчивого развития человечества путем применения глобальных протоколов в качестве механизмов и инструментов научной дипломатии — Монреальского протокола [29], Киотского протокола [30] и др. Упомянутая выше проблема дуалистического подхода к Арктике, рассматриваемая в рамках общего пространства, является прекрасным примером истории международного сотрудничества и, таким образом, импульса научной дипломатии к действию. Четвертый Международный полярный год 2007-2008 (в этом контексте рассматриваемый как инструмент) — совместная международная научная программа по изучению Арктики и Антарктики, объединившая 63 страны и широкий спектр дисциплин для достижения общих научных целей и интересов [31]¹.

МПГ был разработан и спонсировался Международным советом по науке (МСНС, известный в настоящее время как Международный научный совет, МНС) и ВМО (Всемирная метеорологическая организация, специализированное учреждение Организации Объединенных Наций), которые, таким образом, рассматриваются здесь в качестве акторов научной дипломатии. Здесь же можно упомянуть Международную программу по геосфере-биосфере в качестве эффективного долгосрочного инструмента (существовавшего в течение 28 лет с 1987 по 2015 г.) научной дипломатии, осуществляемого Международным советом по науке (в качестве основного участника) с целью изучения глобальных изменений (общие интересы) [21]^{2 3}.

Если рассматривать Арктический совет в географически целостной региональной проекции, то его можно назвать основным актором научной дипломатии, а также дипломатическим инструментом, который создает диалоговое пространство для многих стран, организаций и заинтересованных сторон. Это важный аспект для Российской Федерации на данный момент, поскольку в 2021-2023 гг. она будет председательствовать в Совете, провозглашая и защищая национальные интересы в контексте общих целей для развития региона. Арктическое научное соглашение, подписанное арктическими государствами, включая Россию, в 2017 году, является одним из инструментов научной дипломатии на этом уровне. Арктический совет является межправительственным форумом высокого уровня, который рассматривает вопросы, стоящие перед правительствами арктических стран и коренными народами Арктики, он содействует сотрудничеству, координации и взаимодействию между заинтересованными в арктических вопросах сторонами⁴. Структурно Арктический совет состоит из рабочих групп, в состав

¹ Вебсайт Международного полярного года. URL: <https://ipy.arcticportal.org/> (дата обращения: 09.09.2020).

² Вебсайт Международной программы по геосфере-биосфере. URL: <http://www.igbp.net/> (дата обращения: 11.09.2020).

³ Вебсайт Международного совета по науке (International Science Council, до переименования — ICSU). URL: <https://council.science/> (дата обращения: 11.09.2020).

⁴ Вебсайт Арктического Совета. URL: <https://arctic-council.org/en/> (дата обращения: 11.09.2020).

которых входят ученые, сопровождающие принятие решений научно обоснованными заключениями. Председательство в Арктическом совете осуществляется на основе ротации и передается от одного арктического государства другому раз в два года. Следующий уровень научной дипломатии — это национальные интересы.

Многие национальные законы и стратегии включают в себя науку, образование, инновации, технологии в качестве основных элементов национального развития. Например, недавно принятая и опубликованная "Стратегия развития российской Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности до 2035 года" [36]. Также, например, Министерство иностранных дел Норвегии включило непосредственно саму научную дипломатию в различные аспекты международных отношений своей страны [37]. Посольства и консульства являются центрами научной дипломатии (в роли активных акторов) на территории других стран. Такие дипломатические представительства используют ряд различных инструментов научной дипломатии для исполнения национальных целей и интересов и облегчения связей между странами на двусторонней основе (например, путем назначения научных советников и атташе, развития научных, инновационных сетей и т. д.).

Однако, как упоминалось ранее, арктическая территория в национальном контексте является регионом многообразия социально-экономических реалий. Широкая сфера научной дипломатии на международном и национальном уровнях применительно к региональному уровню претерпевает сужение целей и интересов. Таким образом, Мурманская область, будучи частью трансграничной территории, является прекрасным примером того, как научная дипломатия может влиять на саморазвитие местных сообществ в арктическом региональном измерении.

В статье использованы методы качественного исследования — сравнительный и контекстуальный анализ существующего национального и международного законодательства, актов, документов, отражающих примеры и практики научной дипломатии для обобщения инструментов, акторов и других заинтересованных в научной дипломатии сторон регионального уровня.

Результаты и обсуждение

Мурманская область — это наглядная модель исследования, выполняющая роль непосредственного коммуникатора национальных интересов в рамках внешнеполитических связей, часть трансграничного пространства. Парадипломатия активно работает и развивается как на уровне региональных, так и на уровне муниципальных органов власти. В июле 2017 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон о разграничении полномочий федерального и регионального уровня по приграничной деятельности регионов и муниципальных образований [38]. Этот закон устанавливает конструктивные механизмы парадипломатической деятельности регионов, хотя и не провозглашает их полную самостоятельность, а возлагает на региональные и муниципальные органы власти задачи по оценке и мониторингу их собственной деятельности в области трансграничного сотрудничества. При рассмотрении Арктического региона в географической проекции дипломатического и внешнеполитического дискурса можно сказать, что он является зоной сосуществования общих и национальных интересов, обсуждаемых на платформе Арктического совета арктическими государствами. Но когда речь идет о более узком географическом пространстве, в дискурсе регионализации, Баренцев Евро-Арктический регион становится здесь показательным примером. БЕАР был создан в 1993 году (27 лет в 2020 году) подписанием Киркенесской декларации государствами-участниками. БЕАР управляется региональным органом — Баренцевым региональным советом (БРС)¹. БРС включает в себя 14 округов в 4 странах и 3 группы коренного населения. Российская часть БРС включает 5 российских арктических регионов, в том числе Мурманскую область. Как уже упоминалось, Мурманская область имеет прямые сухопутные границы с Финляндией и Норвегией, образуя трансграничное пространство с более чем 550000 перемещениями через границу Россия — Норвегия и Россия — Финляндия (въезд и выезд, человек в год); горнодобывающую промышленность: Скандинавский горный кластер и Кольский горный комплекс; научные и образовательные буферы: Оулу, Рованиеми, Апатиты, Мурманск, Тромсе и др. Практика сотрудничества в рамках БЕАР, регулируемая Киркенесской декларацией, дополняется двусторонними национальными и региональными соглашениями о сотрудничестве. К настоящему времени Мурманским областным правительством заключены многолетние соглашения с 6 крупными

¹ Вебсайт Баренцева регионального совета. URL: <https://www.barentscooperation.org/en/Barents-Regional-Council>. (дата обращения: 11.09.2020).

самыми северными регионами Финляндии, Швеции и Норвегии, которые провозглашают мирные, добрососедские и взаимовыгодные направления сотрудничества. Такая деятельность имеет очевидную экономическую выгоду внутри трансграничного региона и может в краткосрочной перспективе послужить толчком к более интенсивным трансграничным экономическим и торгово-инвестиционным взаимодействиям. В этом контексте научная дипломатия также осуществляется через парадипломатическую деятельность региональных и муниципальных органов власти. Международная деятельность Мурманской области в рамках трансграничной зоны принимает различные формы. В ходе предыдущего исследования [1] они были схематично разделены на несколько нисходящих уровней — от регионального к индивидуальному. Если организационный и индивидуальный уровни формируются независимо от официальных государственных позиций, то областной и муниципальный уровни имеют процедурно-ориентированную основу, упомянутую выше, обычно заключающуюся в подписании официальных документов между субнациональными органами власти (некоторые двусторонние соглашения существуют с 1988 г.), а с 2017 г. находятся под новым государственным законодательным регулированием [38]. Такое активное развитие международных контактов не только рассматривается региональными и муниципальными властями как эффективный инструмент сотрудничества и решения трансграничных проблем, но и используется для построения стратегий устойчивого развития [40]. Как показывает анализ, даже на географически более узком, компактном региональном уровне акторы, пути, механизмы и инструменты научной дипломатии активны, устоявшиеся связи долговечны, существуют 20–30 лет и весьма эффективны (Табл. 1).

Таблица 1

**Примеры региональных акторов и механизмов научной дипломатии
в Мурманской области в контексте трансграничного региона**

Акторы	Механизмы
Региональный уровень	
Региональное правительство (администрация, министерства и государственные службы), региональные объединения и зарубежные представительства (Мурманское отделение Генерального консульства Финляндии, Норвежское генеральное консульство в Мурманске)	В рамках региональных соглашений и меморандумов с северными приграничными территориями (Норвегия, Финляндия) и соседними (Швеция) странами; В рамках существующих межправительственных региональных органов, таких как БЕАР/БРС
Муниципальный уровень	
Муниципальное управление (администрация и местные службы, департаменты)	В рамках концепций городов-побратимов; В рамках Совета пограничных муниципалитетов Севера; В рамках программ приграничного сотрудничества (например, Коларктик СВС, программы Северных стран по сотрудничеству)
Организационный уровень	
Высшие учебные заведения (вузы) — институты, университеты, другие образовательные учреждения; Научные центры (Кольский научный центр Российской академии наук); Неправительственные организации; Организации культуры и досуга; Малый и средний бизнес	В рамках программ приграничного сотрудничества (например, Коларктик СВС, Северный регион); В рамках региональных неправительственных организаций — Северной торгово-промышленной палаты Мурманской области, Союза промышленников и предпринимателей Мурманской области и др. Программы поддержки бизнеса и инноваций В рамках научных, образовательных и культурных организаций, сетей и связей
Индивидуальный уровень	
Индивидуальные миграции в рамках локальных сезонных и временных маятниковых миграций, образовательные и трудовые связи, эпизодические деловые, научные и туристические поездки, а также покупательная деятельность местного населения.	Совместные торговые правила и программы, двустороннее регулирование трансграничной миграции (например, местный безвизовый режим Норвегия–Россия в пределах 30 км приграничной зоны; специальная поморская виза с упрощенной процедурой получения для жителей области и т. д.).

Примечание: Таблица более подробно раскрывает и дополняет таблицу предшествующего исследования [1], в которой описаны уровни международного сотрудничества в Мурманской области.

Как видно из *Таблицы 1*, все стратегии научной дипломатии (S4D — Наука для дипломатии; D4S — Дипломатия для науки; SinD — Наука в дипломатии) представлены на всех уровнях сотрудничества в рамках региона путем внедрения различных механизмов содействия (например, представительство в различных региональных органах и советах, совместные регламенты мобильности населения, общие научные и инновационные проекты и т. д.). Индивидуальный уровень охватывается множеством образовательных, культурных и научных связей между людьми (P2P), которые интенсивно развиваются в регионе. В этом смысле роль "научного дипломата" дополняется и рассматривается уже как роль многостороннего актора, действующего на всех уровнях международного сотрудничества, особенно в рамках тесных дружеских, а зачастую и семейных, индивидуальных связей внутри трансграничного региона. В случае последних целесообразней говорить о «пользователях» (*users*) результатов деятельности в рамках концепции научной дипломатии.

Научная дипломатия — это всеобъемлющее поле, охватывающее 1) национальные границы, включая двусторонние или многосторонние отношения; 2) политические рамки, сочетающие сферы науки, технологии, инноваций и внешней политики, каждая из которых имеет четкое определение, компетенции, участников и уровни, устанавливая сложное, но гибкое взаимодействие между элементами; 3) заинтересованные стороны различной природы, такие как государственные субъекты, международные организации, научные учреждения, неправительственные организации (НКО), частный сектор и т. д.; 4) профессиональный опыт, потому что он связывает две культуры с разными мировоззрениями: ученого и дипломата [41].

Одним из основных факторов развития международного сотрудничества и научной дипломатии, особенно в трансграничной региональной проекции, является человеческий капитал. Как показал статистический обзор изменений численности населения, несмотря на существование успешных практик научной дипломатии в регионе, Мурманская область переживает существенную депопуляцию по сравнению со своими северными соседями. Население Мурманской области сократилось на 12,7 % за 2007/2019 гг. (период предыдущего этапа исследования), что демонстрирует крайне негативное влияние на динамику географического потенциала, одного из важных элементов арктической урбанизации и процессов агломерации (рис. 1). В Норвегии наблюдается рост численности населения, а местные малочисленные общины в Финляндии сокращаются при перемещении населения в более крупные муниципалитеты с более диверсифицированной экономикой.

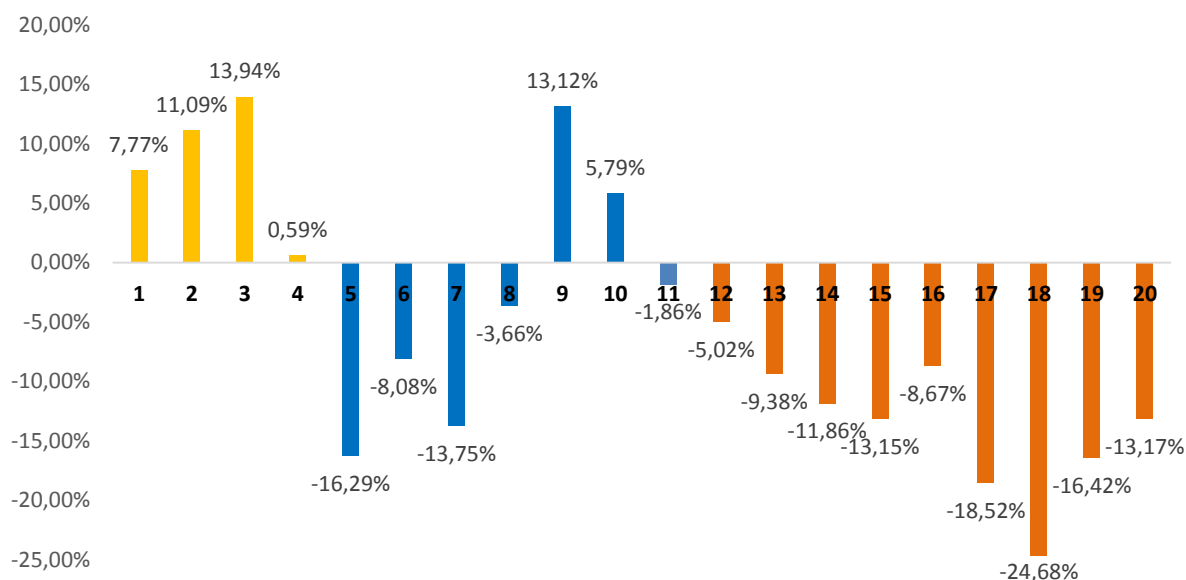

Рис. 1. Изменение численности населения административно-территориальных единиц в 2007/2019 гг. в пространстве трансграничного сотрудничества, в процентах (%).

Норвегия: 1 — Сёр-Варангер, 2 — Альта, 3 — Тромсё, 4 — Вадсё; *Финляндия:* 5 — Салла, 6 — Куусамо, 7 — Кемиярви, 8 — Соданкюля, 9 — Оулу, 10 — Рованиemi, 11 — Инари; *Мурманская область, Россия:* 12 — Мурманск, 13 — Апатиты, 14 — Кировск, 15 — Ковдор, 16 — Оленегорск, 17 — Ревда, 18 — Никель, 19 — Заполярный, 20 — Мончегорск.

Примечание: Выбранные муниципалитеты на территориях Финляндии и Норвегии являются наиболее популярными для посещения жителями Мурманской области (по данным социомониторинга). Административным центром коммуны Сёр-Варангер является город Киркенес, который учитывается в национальной статистике только в рамках общего муниципалитета. Населенная статистика, полученная от Статистического управления Норвегии. URL: <https://www.ssb.no/> (дата обращения: 14.11.2020); Официальная статистика Финляндии (OSF). URL: <http://www.stat.fi/> (дата обращения: 14.11.2020); Мурманскстат. URL: <http://murmanskstat.gks.ru/> (дата обращения: 14.11.2020).

Тенденции к декомпозиции географического потенциала и агломерационного эффекта стран трансграничного региона говорят о различных национальных подходах к отношениям в рамках центр-периферийной модели даже на внутрирегиональном уровне. Во всех случаях эти модели имеют центростремительный характер при интенсивном сокращении численности населения малых муниципалитетов. Но если в Норвегии и Финляндии численность населения увеличивается в крупных городах, например в Оулу и Рованиеми (Финляндия), в Тромсё (Норвегия), то в Мурманской области депопуляция охватывает все муниципалитеты региона, включая региональную столицу — Мурманск. Это является результатом одной из основных тенденций в динамике населения на всей территории России, когда фактически на территории такой крупной страны есть только два центральных пространственных ядра — Москва и Московская область, а также Санкт-Петербург и Ленинградская область. В качестве ядер второго уровня можно рассматривать все муниципалитеты с населением более 1 млн человек (например, Екатеринбург, Новосибирск и др.). Такие ядра в результате агломерационного эффекта, стягивают население с периферийных областей, но не все из них демонстрируют устойчивый социально-экономический рост.

Представленные демографические тенденции в Оулу, Рованиеми (Финляндия) и Тромсё (Норвегия) связаны с сильно развитыми и предоставляемыми в этих локациях услугами местной экономики в области науки, инноваций, бизнеса, образования и культуры. Являясь так называемыми арктическими инновационными центрами, эти муниципалитеты представляют собой платформы для развития бизнеса, основанного на научном знании, тестировании инноваций, совместных исследованиях [42; 43]. Здесь высшие учебные заведения и исследовательские центры играют важную роль как институциональные акторы научной дипломатии, участвуют в развитии межкультурных обменов, стипендиальных программ как механизмов взаимодействия.

Мурманская область имеет функционирующую научно-исследовательскую и образовательную инфраструктуру, способствующую развитию подобных центров арктических исследований и инноваций путем создания прочных межрегиональных и внутрирегиональных связей, а также активных международных связей, основанных на существующей практике научной дипломатии и ее акторов, что было проанализировано в данной работе. Международное сотрудничество способствует институциональному развитию и обмену новыми и современными знаниями. Такого рода усилия были предприняты совсем недавно российским правительством с принятием в июле 2019 года "Положения о Совете научно-образовательных центров мирового уровня".

Для последовательного развития такого рода центров необходимо вовлечение их участников в глобальные инновационные структуры, основанные на международном научном сотрудничестве и концепциях открытых инноваций: сетевые структуры, технологические платформы, инновационные кластеры [44; 45]¹. В настоящее время в Мурманской области развивается Арктический научно-образовательный центр мирового уровня, в состав которого входят ведущие научные и образовательные структуры региона и за его пределами. Это дает возможность для дальнейшего развития научной дипломатии как одного из ключевых элементов устойчивого развития региона.

Заключение

Целью исследования является анализ наполняемости регионального понятия научной дипломатии и ее институциональных компонентов, а также предложение возможных действий по развитию научной дипломатии в регионе. Как видно из анализа, научная дипломатия в Мурманской области принимает различные формы и может формироваться как в рамках национальной внешней политики и дипломатии, так и в рамках парадипломатической деятельности на региональном и муниципальном уровнях. Научная

¹ Вебсайт «Научно-образовательные центры мирового уровня». URL: <https://xn--m1acy.xn--p1ai/> (дата обращения: 11.09.2020).

дипломатия имеет большой потенциал развития в рамках существующих финансовых программ (как движущих сил и механизмов трансграничного сотрудничества) и активных трансграничных научных связей даже на индивидуальном уровне Р2Р путем продвижения роли "научного дипломата" [1]. Трансграничные регионы в их международном сотрудничестве в процессе глокализации на практике обеспечивают сохранение сильного местного контекста (приоритетности национальных интересов) в сравнении с глобальной научной дипломатией как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. Глобальная научная дипломатия, как упоминалось ранее на существующих примерах (ООН, МПГ и т. д.), обычно основывается на крупномасштабном и долгосрочном сотрудничестве. Региональный масштаб научной дипломатии может быть основан на краткосрочных проектах и договоренностях, но также в основе своей зависит и опирается на долгосрочные международные отношения. В арктическом контексте научная дипломатия помогает преодолеть дуалистическое видение (национальные цели против общественных ценностей) и поддерживать равновесие между национальными и общими интересами (особенно в сфере климатической дипломатии, экологической дипломатии, публичной дипломатии и т. д.). Учитывая важную роль парадипломатических акторов в построении научной дипломатии и общих механизмов сотрудничества, национальная поддержка регионов должна быть увеличена. Продвигаясь на международный уровень, научно-образовательные центры мирового уровня могут использовать существующую практику и ресурсы научной дипломатии (на примере инновационных центров и проектов соседних стран) для содействия собственному развитию. В настоящем исследовании следует продолжить изучение показателей мониторинга результатов влияния научной дипломатии в разных аспектах жизни региона, что поможет оценить важность, пробелы, проблемы и возможности дальнейшего развития международного сотрудничества.

Благодарности

Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы «Социальные аспекты управления саморазвитием регионов и местных сообществ в российской Арктике» (№ 0226-2019-0025).

Список литературы

1. Заика Ю. В. Приграничное сотрудничество как фактор саморазвития регионов российской Арктики (на примере Мурманской области) // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2019. № 4. С. 43– 53. DOI: 10.34130/2070-4992-2019-4-43-53.
2. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
3. Пилясов А. Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: УРСС, 2009. 542 с.
4. Скуфьина Т. П. Новая региональная политика в контексте проблемы сбалансированного развития северных территорий России // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 29 (404). С. 25-34.
5. Рябова Л. А. Местные сообщества циркумполярного Севера: тренды и факторы социального развития // Север и рынок: Формируя новый экономический порядок. 2011. № 2. С. 102-106.
6. Коломак Е. А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. № 4. С. 85-106.
7. AMAP Adaptation Actions for a Changing Arctic (AACAA) — Barents Area Overview report. Oslo: Arctic Monitoring and Assessment Programme, 2017.
8. Hansen K. G., Bitsch S., Zalkind L. Urbanization and the role of housing in the present development process in the Arctic. Oslo: Nordregio, 2013. pp. 102.
9. Об основах государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://government.ru/info/18359/> (дата обращения: 11.09.2020)
10. Рябова Л. А. Новый шаг в развитии международного сотрудничества в Баренц регионе // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2013. № 3 С. 219-224.
11. Селин В. С., Скуфьина Т. П., Башмакова Е. П., Торопушина Е. Е. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы : научно-аналитический доклад. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. 420 с.
12. Скуфьина Т. П., Торопушина Е. Е., Баранов С. В. Социально-экономическое развитие Мурманской области: динамика, закономерности, регулирование : монография. Апатиты, КНЦ РАН, 2017. 124 с.

13. Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года и план мероприятий по ее реализации. URL: <https://minenergo.gov-murman.ru/documents/info/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-murmanskoy-oblasti-do-2020-goda-i-na-period-do-2025-g.php>. (дата обращения: 11.09.2020)
14. Ibragimova K. A., Barabanov O. N. About the Prospects of the Russian Science Diplomacy // Vestnik RFBR, Russian Foundation for Basic Research, 2018, pp. 57–60.
15. The Royal Society. New Frontiers in Science Diplomacy. London: Science Policy Centre, The Royal Society, 2010, pp. 44.
16. Young O., Berkman P., Vylegzhanin A. Informed Decisionmaking for the Sustainability of Ecopolitical Regions, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-25674-6_15.
17. Berkman P., Kullerud L., Pope A., Vylegzhanin A., Young O. The Arctic Science Agreement propels science diplomacy // Science, 2017, Vol. 358, Issue 6363, pp. 596–598. DOI: 10.1126/science.aaq0890.
18. Gienow-Hecht J., Donfried M. (Eds.). Searching for a Cultural Diplomacy. Berghahn Books, 2010. Available at: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt9qd42q>. (Accessed: 25.11.2020).
19. Sriramesh, Krishnamurthy, Verčič, Dejan (eds.). The global public relations handbook: Theory, research, and practice. Rev. ed. New York, London, 2009. 366 p.
20. Rispoli G., Olšáková D. Science and Diplomacy around the Earth: From the Man and Biosphere Programme to the International Geosphere-Biosphere Programme // Historical Studies in the Natural Sciences, 2020, 23 September, 50 (4), pp. 456–481. DOI: <https://doi.org/10.1525/hsns.2020.50.4.456>.
21. Tayebi S., Moosavi S., Poorhashemi A. Environmental Diplomacy: A Framework for Growth of International Interaction and Cooperation for Achievement of Global Peace // Journal of Politics and Law, 2016, 9. 150. DOI: 10.5539/jpl.v9n9p150.
22. Brood head, LA. International Environmental Politics: the limits of Green Diplomacy // Lynne Rienner publication, 2002, pp. 32.
23. Buhaug H. Reply to Burke et al.: bias and climate war research // Proceedings of the National Academy of Sciences, 2010, 107(51), pp. 186–187. DOI: <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1015796108>.
24. van Bergeijk P. G., Okano-Heijmans M., Melissen J. (Eds.) Economic Diplomacy. Leiden, The Netherlands: Brill. Nijhoff, 2011. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004209619>.
25. Leijten J. Exploring the future of innovation diplomacy // [European Journal of Futures Research](#), 2017, 5, 20. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40309-017-0122-8>.
26. Snow N., Taylor P. M. (eds.). The Routledge handbook of public diplomacy. New York, London, 2009.
27. Pamment J. New public diplomacy in the 21st century. London, New York, 2013.
28. ООН. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой. 1987. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 09.09.2020).
29. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, 11 декабря 1997. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 09.09.2020).
30. Rapley C., Bell R., Allison I., Bindschadler R., Casassa G., Chown S., Duhaime G., Kotlyakov V., Khun M., Orheim O., Pandey P., Petersen H., Schalke H., Janoschek W., Sarukhanian E., Zhang Z. A Framework for the International Polar Year 2007–2008. Planning Group, 2004.
31. Стратегия развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 года, утверждена 26 октября 2020. URL: <http://en.kremlin.ru/acts/news/64274>. (дата обращения: 11.09.2020).
32. Norway — Norwegian Ministry of Education and Research. Panorama: Strategy for Cooperation on Higher Education and Research with Brazil, China, India, Japan, Russia and South Africa (2016–2020). Oslo: Norwegian Ministry of Education and Research, 2015.
33. Об основах приграничного сотрудничества : федеральный закон от 26.07.2017 г. № 179-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/ (дата обращения: 13.09.2020).
34. Sergunin A., Joenniemi P. Paradiplomacy as a Sustainable Development Strategy: The Case of Russia's Arctic Subnational Actors // Eurasia Border Review, 2014, 5(2) pp. 1–17.
35. Melchor L. What Is a Science Diplomat? // The Hague Journal of Diplomacy, 2020, 15(3), pp. 409–423. DOI: <https://doi.org/10.1163/1871191X-BJA10026>.
36. Hintsala H., Niemelä S., Tervonen P. Arctic innovation hubs: opportunities for regional co-operation and collaboration in Oulu, Luleå, and Tromsø // Northern Review, 2017, 45, pp. 77–92.
37. Oulu University. Report of the preparatory work. Cross-border cooperation on innovation, 2019, pp. 60.
38. Журавлева Е. В., Воробьева Т. Н., Захарова Д. А., Жабинская В. П. Достижение мирового уровня научно-образовательными центрами — тренды, механизмы, результаты // Достижения науки и техники АПК. 2020. № 9. С. 112–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostizhenie-mirovogo-urovnya-nauchno-obrazovatelnyimi-tsentrami-trendy-mehanizmy-rezultaty>. (дата обращения: 25.11.2020). (In Russian).
39. Савченко Е. С., Павлова О. А., Журавлева Е. В. Научно-образовательный центр мирового уровня «инновационные решения в АПК» как драйвер развития региональной экономики // Достижения науки и техники АПК. 2020. № 9. С. 5–8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-obrazovatelnyy-tsentr-mirovogo-urovnya-innovatsionnye-resheniya-v-apk-kak-drayver-razvitiya-regionalnoy-ekonomiki>. (дата обращения: 25.11.2020). (In Russian).

References

1. Zaika Yu. V., 2019 Cross-border cooperation as the factor for regional self-development in the Russian Arctic (by the example of Murmansk region). *Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University*, No. 4, pp. 43–53. DOI: 10.34130/2070-4992-2019-4-43-53.
2. Zubarevich N. V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizaciya* [Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization]. Moscow: Independent Institute for social policy, 2010, 160 p. (In Russian).
3. Pilyasov A. N. *I poslednie stanut pervymi. Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the last will become the first: The Northern periphery on the way to knowledge economy]. Moscow: Librokom, 2009. 544 p. (In Russian).
4. Skufina T. P. The new regional policy in the context of the problem of balanced development of northern territories of Russia. *Regional'naya e'konomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2015, 29(404), pp. 25-34 (In Russian).
5. Riabova L. A. Local communities of the circumpolar North: trends and factors of social development. *Sever i ry'nok: Formiruya novyj e'konomicheskij poryadok* [The North and the Market: Forming the Economic], 2011, Order 2, pp. 102–106. (In Russian).
6. Kolomak E. A. Spatial development of Russia in the XXI century. *Prostranstvennaya e'konomika* [Spatial economy], 2019, No.4, pp. 85-106. (In Russian).
7. AMAP, 2017. Adaptation Actions for a Changing Arctic (AACA) — Barents Area Overview report. Oslo: Arctic Monitoring and Assessment Programme.
8. Hansen K. G., Bitsch S., Zalkind L., 2013. Urbanization and the role of housing in the present development process in the Arctic. Oslo: Nordregio, pp. 102.
9. Order of the President of RF. The basics of state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period to 2020 and further perspective. Moscow, 2008, No. 1969. Available at: <http://government.ru/info/18359/> (Accessed: 11.09.2020) (In Russian).
10. Riabova L. A. A new step in the development of international cooperation in the Barents region. *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie e'konomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2013, No.3, pp. 219–224. (In Russian).
11. Selin V. S., Skufina T. P., Bashmakova E. P., Toropushina E. E. *Cever i Arktika v novej paradigme mirovogo razvitiya: aktual'nye problemy, tendencii, perspektivy: nauchno-analiticheskij doklad* [The North and the Arctic in new paradigm of world development: actual problems, tendencies, perspectives]. Apatity: Kola Science Center RAS Publishing, 2016, 420 p. (In Russian).
12. Skufina T. P. *Social'no-ekonomicheskoe razvitie Murmanskoy oblasti: dinamika, zakonomernosti, regulirovanie: monografiya* [Socioeconomic development of Murmansk region: dynamics, principles, regulation], ed. Skufina T. P., Toropushina E. E., Baranov S. V. Apatity: Kola Science Center RAS, 2017. 124 p. (In Russian).
13. Resolution of Murmansk region. The Strategy of socioeconomic development of Murmansk region to 2020 and the period to 2025. Murmansk, 2017. Available at: <https://minenergo.gov-murman.ru/documents/info/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-murmanskoy-oblasti-do-2020-goda-i-na-period-do-2025-g.php>. (Accessed: 11.09.2020) (In Russian).
14. Ibragimova K. A., Barabanov O. N., 2018. About the Prospects of the Russian Science Diplomacy. *Vestnik RFBR, Russian Foundation for Basic Research*, pp. 57–60.
15. The Royal Society, 2010. *New Frontiers in Science Diplomacy*. London: Science Policy Centre, The Royal Society, pp. 44.
16. Young O., Berkman P., Vylegzhanin A., 2020. *Informed Decisionmaking for the Sustainability of Ecopolitical Regions*. DOI: 10.1007/978-3-030-25674-6_15.
17. Berkman P., Kullerud L., Pope A., Vylegzhanin A., Young O., 2017. The Arctic Science Agreement propels science diplomacy. *Science*, Vol. 358, Issue 6363, pp. 596-598. DOI: 10.1126/science.aaq0890.
18. Gienow-Hecht J., Donfried M. (Eds.), 2010. *Searching for a Cultural Diplomacy*. Berghahn Books. Available at: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt9qd42q>. (Accessed: 25.11.2020).
19. Sriramesh, Krishnamurthy, Verčič, Dejan (eds.), 2009. *The global public relations handbook: Theory, research, and practice*. Rev. ed. New York, London.
20. Rispoli G., Olšáková D., 2020. Science and Diplomacy around the Earth: From the Man and Biosphere Programme to the International Geosphere-Biosphere Programme. *Historical Studies in the Natural Sciences*, 23 September, 2020, 50 (4), pp. 456–481. DOI: <https://doi.org/10.1525/hsns.2020.50.4.456>.
21. Tayebi S., Moosavi S., Poorhashemi A., 2016. Environmental Diplomacy: A Framework for Growth of International Interaction and Cooperation for Achievement of Global Peace. *Journal of Politics and Law*, 9. 150. DOI: 10.5539/jpl.v9n9p150.
22. Brood head, LA., 2002. International Environmental Politics: the limits of Green Diplomacy. *Lynne riennner publication*, pp. 32.
23. Buhaug H., 2010. Reply to Burke et al.: bias and climate war research. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107(51), pp. 186-187. DOI: <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1015796108>.

24. van Bergeijk P. G., Okano-Heijmans M., Melissen J. (Eds.), 2011. *Economic Diplomacy*. Leiden, The Netherlands: Brill. Nijhoff. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004209619>.
25. Leijten J., 2017. Exploring the future of innovation diplomacy. *Eur J Futures Res* 5, 20. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40309-017-0122-8>.
26. Snow N., Taylor P. M. (eds.), 2009. *The Routledge handbook of public diplomacy*. New York, London.
27. Pamment J., 2013. *New public diplomacy in the 21st century*. London, New York.
28. UN, 1987. *The Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (Accessed: 09.09.2020).
29. UNFCCC, 1997. *Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change adopted at COP3 in Kyoto, Japan, on 11 December 1997*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (Accessed: 09.09.2020).
30. Rapley C., Bell R., Allison I., Bindschadler R., Casassa G., Chown S., Duhaime G., Kotlyakov V., Khun M., Orheim O., Pandey P., Petersen H., Schalke H., Janoschek W., Sarukhonian E., Zhang Z., 2004. *A Framework for the International Polar Year 2007-2008*. Planning Group.
31. *Strategy for Developing the Russian Arctic Zone and Ensuring National Security until 2035 approved 26 October 2020*. Available at: <http://en.kremlin.ru/acts/news/64274> (Accessed: 11.09.2020). (In Russian).
32. Norway — Norwegian Ministry of Education and Research. 2015. *Panorama: Strategy for Cooperation on Higher Education and Research with Brazil, China, India, Japan, Russia and South Africa (2016–2020)*. Oslo: Norwegian Ministry of Education and Research.
33. Federal Law (№ 179-FZ), 2017. *About the basics of transborder cooperation*. Moscow. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/ (Accessed: 13.09.2020). (In Russian).
34. Sergunin A., Joenniemi P., 2014. Paradiplomacy as a Sustainable Development Strategy: The Case of Russia's Arctic Subnational Actors. *Eurasia Border Review*, 5(2) pp. 1–17.
35. Melchor L., 2020. What Is a Science Diplomat? *The Hague Journal of Diplomacy*, 15(3), pp. 409–423. DOI: <https://doi.org/10.1163/1871191X-BJA10026>.
36. Hintsala H., Niemelä S., Tervonen P., 2017. Arctic innovation hubs: opportunities for regional co-operation and collaboration in Oulu, Luleå, and Tromsø. *Northern Review*, 45, pp. 77–92.
37. Oulu University, 2019. *Report of the preparatory work*. Cross-border cooperation on innovation. pp. 60.
38. Zhuravleva E. V., Vorobyova T. N., Zakharova D. A., Zhabinskaya V. P. Achievements of the world-class level by the research and educational centres — trends, mechanisms, results. *Dostizheniya nauki i tehniki APK* [Achievements of science and technology in agriculture], 2020. 34 (9), pp. 112–118. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostizhenie-mirovogo-urovnnya-nauchno-obrazovatelnyimi-tsentrarni-trendy-mehanizmy-rezultaty>. (Accessed 25.11.2020). (In Russian).
39. Savchenko E. S., Pavlova O. A., Zhuravleva E. V. World-class research and educational center as the driver of development. *Dostizheniya nauki i tehniki APK* [Achievements of science and technology in agriculture], 2020. 34 (9), 5–8 Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-obrazovatelny-tsentr-mirovogo-urovnnya-innovatsionnye-resheniya-v-apk-kak-dravver-razvitiya-regionalnoy-ekonomiki>. (Accessed 25.11.2020). (In Russian).

Для цитирования: Заика Ю. В. Акторы научной дипломатии в контексте саморазвития арктических территорий (на примере Мурманской области) // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2020. № 4. С. 34–45. DOI: 10.34130/2070-4992-2020-4-34

For citation: Zaika Yu. V. Actors of science diplomacy within the context of self-development of the Arctic territories (on the example of Murmansk region) // Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2020. No. 4. P. 34–45. DOI: 10.34130/2070-4992-2020-4-34